

Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

**Актуальные проблемы банковского регулирования для обеспечения экономического
роста в условиях снижения цен на нефть и развития экосистем**
(Препринт научно-исследовательской работы)

**Москва
Институт Гайдара
2021**

Автор: *Ведев А.Л.*, д.э.н., заведующий лабораторией финансовых исследований Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; заведующий лабораторией структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Резкое падение цен на мировом нефтяном рынке в I квартале 2020 г. существенно повлияло на обострение негативных тенденций в экономике России. Снижение экономической активности и отток средств нерезидентов с российского рынка отрицательно отразились на состоянии национальной кредитно-банковской системы. Возможное усиление санкционного давления на Россию в ближайшей перспективе может еще более усугубить ситуацию и замедлить темп роста российской экономики. Однако масштабность данных последствий и степень их негативного влияния во многом будут зависеть от стабилизационных мер, предпринимаемых правительством и Центральным банком РФ, их полноты и своевременности. Несмотря на то что финансовые рынки и кредитно-банковские учреждения продолжили практически полноценно функционировать в условиях кризиса, вызванного пандемией коронавируса, риски в банковской сфере значительно возросли, и в любой момент могут потребоваться дополнительные меры со стороны регулятора. Это в первую очередь касается таких направлений регулятивной деятельности ЦБ, как совершенствование организации и методологии банковского надзора, мониторинга устойчивости банковского сектора, инспектирования кредитных организаций. В связи с этим в значительной степени актуализируются задачи повышения эффективности системы регулирования банковского сектора и обеспечения его устойчивости.

Вместе с тем в настоящее время тенденции развития мировой экономики все чаще требуют от банков ускорить переход от традиционных бизнес-моделей к формированию финансовой экосистемы на базе использования современного цифрового инструментария. Это предполагает необходимость модернизации всей системы банковского надзора, внедрения новых принципов регулирования и методов контроля, адаптации традиционных подходов к новым условиям.

В исследовании предполагается проанализировать негативные последствия нефтяных шоков на финансовое состояние банков, функционирующих на территории Российской Федерации; также детально будет рассмотрен соответствующий международный опыт по преодолению кризисных явлений в финансовой сфере, вызванных волатильностью цен на рынках энергоносителей. Результатом исследования станет разработка рекомендаций по совершенствованию банковского надзора и регулирования в целях осуществления мер организационно-стабилизирующего воздействия и укрепления доверия к банкам как к финансовым посредникам, а также предложений по внедрению новых механизмов нейтрализации банковских рисков в условиях технологической трансформации финансового сектора России.

Current problems of banking regulation to ensure economic growth in the context of declining oil prices and the development of ecosystems

A slump in prices on the world oil market in Q1 2020 significantly aggravated negative trends in the Russian economy. The decline in economic activity and the outflow of non-residents' funds from the Russian market had an adverse impact on the national credit and banking system. A possible strengthening of the sanctions pressure on Russia in the near future could further exacerbate the situation and slow down the growth rate of the Russian economy. However, the scale of these consequences and the extent of their negative impact will largely depend on the stabilization measures taken by the government and the Central Bank of the Russian Federation, their completeness and timeliness. Despite the fact that financial markets and credit and banking institutions continued to function practically at full capacity during the crisis induced by the coronavirus pandemic, the risks in the banking sphere have significantly increased and additional measures may be required from the regulator at any moment. It is primarily related to such directions of regulative activity of the Bank of Russia as improvement of organization and methodology of banking supervision, monitoring of stability of the banking sector, inspection of credit institutions. With that in mind, the tasks of increasing efficiency of the system of banking sector regulation and ensuring its sustainability are becoming more and more urgent.

Meanwhile, global economic trends now increasingly require banks to accelerate the transition from traditional business models to the formation of a financial ecosystem based on the use of modern digital tools. This requires modernization of the entire banking supervision system, implementation of new regulatory principles and control methods, adaptation of traditional approaches to new conditions.

The study will analyze the negative effects of oil shocks on the financial condition of banks operating in the Russian Federation. It will also analyze in detail the relevant international experience of overcoming crisis phenomena in the financial sector resulting from price volatility in energy markets. The result of the study will be the development of recommendations to improve banking supervision and regulation in order to implement organizational and stabilizing measures and strengthen confidence in banks as financial intermediaries, as well as proposals for the introduction of new mechanisms to neutralize banking risks in the technological transformation of the Russian financial sector.

Содержание

Введение

1. Анализ актуальных публикаций по теме исследования
 - 1.1. Анализ публикаций по вопросам банковского регулирования
 - 1.2. Анализ публикаций по вопросам влияния динамики нефтяных цен на деятельность банков
 - 1.3 Анализ публикаций по вопросу развития экосистем
2. Стратегии развития банков в условиях снижения цен на нефть
 - 2.1. Анализ динамики цен на нефть и их влияния на банковскую деятельность
 - 2.2. Трансформация бизнес-моделей банков в условиях низкой процентной маржи
3. Анализ эффекта регулирования банковской деятельности на экономический рост
 - 3.1. Подходы к анализу эффективности экосистем и их влияния на финансовый результат банков
 - 3.2. Оценка эффективности мер регулирования на финансовый результат банков и экономический рост

Заключение

Список использованных источников

Введение

В современном мире происходит заметная трансформация облика финансовых услуг. Компании используют новейшие технологии для развития деятельности, а цифровизация, в свою очередь, перекраивает картину привычной конкуренции и размывает границы между различными секторами экономики. Все чаще и чаще компании формируют цифровые экосистемы для того, чтобы привлечь как можно больше клиентов.

Целью исследования является определение перспектив внедрения экосистем в банковскую сферу и выявление преимуществ в деятельности банков, имеющих свои экосистемы, в сложных современных условиях.

Объектом исследования является банковский сектор РФ: классические банки и цифровые экосистемы. Предмет исследования – проблема внедрения и развития цифровых экосистем в банковской сфере Российской Федерации и их функционирование в условиях пандемии коронавируса.

В качестве методологической основы исследования были использованы методы обобщения и сравнения, системный подход, метод группировок, методы анализа теоретического и практического материала.

Теоретико-методологической основой и базой исследования являются труды отечественных ученых, посвященные вопросам развития цифровых экосистем финансовой отрасли. Также в качестве информационной базы использованы материалы отчетов банков и Банка России.

Актуальность образования нового облика финансовых услуг в форме цифровых экосистем обусловлена цифровой моделью экономики, вынуждающей компании выходить на новый уровень конкурентоспособности. Экосистема цифровых финансовых услуг может рассматриваться в качестве системы, включающей непосредственно пользователей, нуждающихся в финансовых услугах и продуктах; поставщиков, предоставляющих необходимые продукты и услуги с применением цифровых средств; финансовых, технических и других инфраструктур, определяющих возможность данных отношений и взаимодействий; элементов государственной политики, законов, определяющих доступность данных продуктов и услуг для пользователей и безопасность их использования. Исходя из прогнозов консалтинговой компании KPMG¹, к 2030 г. все

¹ *Пилюгина А.В., Еркович Е.А.* О подходах к проектированию экосистемы цифровых финансовых услуг // Управление развитием крупномасштабных систем. М.: Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. 2018. С. 422.

банковские организации перейдут на онлайн-взаимодействие со своими клиентами, используя различные сервисы, личные помощники и другие приложения.

Для формирования цифровых экосистем финансовых услуг необходимо решить комплекс задач, обеспечивающих повышение доступности данных услуг для населения:

- расширение зоны покрытия сетью Интернет, что даст возможность большему числу клиентов использовать специализированные приложения на стационарных и мобильных устройствах;
- снижение цен на услуги за счет снижения транзакционных издержек;
- расширение инфраструктуры предоставления финансовых услуг;
- повышение скорости и качества доступа к данным услугам для потребителей, имеющих доступ к Интернету.

При решении данных задач достигается основная цель экосистемы: разработка и введение гибкой и эффективной системы управления организациями в финансовом секторе, гарантирующей стратегическую устойчивость с учетом концепций гибкого проектного управления.

Можно выделить некоторые особенности и возможности экосистемы:

- платформа позволяет подключить любые бизнесы;
- внутренние и внешние продуктовые компании конкурируют на платформе;
- платформа предоставляет участникам общие сервисы (ID, Клиент, Data, API) для построения бизнес-решений.

Создание цифровых экосистем – относительно новое направление в развитии отечественных банков. Эффективно выстроенная экосистема позволяет расширить клиентскую базу и максимально удовлетворить потребности клиентов.

Безусловно, темпы и перспективы развития цифровых экосистем финансовой сферы повышаются, назревает вопрос, все ли банки смогут поддержать данную тенденцию или же останутся только самые крупные и мощные игроки.

В теории любой банк может образовать экосистему, но только у крупных банков при этом имеются многомиллионная клиентская база, уже установившийся имидж и репутация. Поэтому для небольших банков достаточно сложно достичь такого результата, так как затраты на создание экосистемы у них будут достаточно большие и они, вполне вероятно, в дальнейшем просто могут не окупиться.

1. Анализ актуальных публикаций по теме исследования

1.1. Анализ публикаций по вопросам банковского регулирования

Система контроля и надзора со стороны государства в настоящее время активно модернизируется. Сокращение административных процедур и барьеров, исходя из указов Президента РФ, принятых в мае 2018 г., является важным условием достижения национальных целей развития России. Для решения этих задач планируется внедрение контрольно-процессуального кодекса. Регулирование внутри обновленной системы государственного контроля (надзора) реализуется исходя из федеральных законодательных актов. Первый из них ставит своей задачей сформулировать те требования, которые будут регламентировать мероприятия по государственному контролю и надзору (его название – «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»). Другой нацелен на то, чтобы определить субъектов, которые будут иметь полномочия для того, чтобы осуществлять контроль (надзор), обозначить, в каком порядке должны проходить мероприятия по контролю (надзору), ответить на вопросы, какие это должны быть мероприятия, а также через какие процедуры необходимо осуществлять профилактику (его название – Федеральный закон «Об обязательных требованиях», употребительное название – «контрольно-процессуальный кодекс»).

Суть реформы состоит в том, чтобы ликвидировать те функции надзора и контроля, которые носят избыточный характер, а также сократить число их носителей. Этот процесс осуществляется через «регуляторную гильотину». Важно понимать, что задача состоит не в том, чтобы ослабить контроль, а именно в том, чтобы осуществить переход, при котором контрольно-надзорная система станет «понятной, честной и эффективной». При этом вектор действия направлен на то, чтобы очное общение представителей госаппарата с гражданами было сведено к минимуму, процедуры контроля и надзора были четко зафиксированы, произошло бы снижение рисков в кратном размере. Станет использоваться подход, ориентированный на риски, как принцип осуществляемого контроля, а сам акцент сместился бы от подзаконного к законодательному уровню.

Управленческие технологии, отвечающие современным требованиям и используемые при реформе контрольно-надзорного механизма, должны включать так называемые «поведенческие формулы» [Тихомиров, 2011]. Они будут способствовать повышению эффективности деятельности государства как регулятора и обеспечат соответствие его деятельности по контролю и надзору текущим требованиям управления. «Поведенческие формулы» позволят сблизить правовые нормы и деятельность граждан, дадут возможность правильно оценивать устойчивость их поведения с точки зрения права и отношения к праву. «Допускаемая неправомерность» может определяться через

набирающую популярность цифровизацию процессов управления. Здесь может быть задействован широкий инструментарий возможностей, которые позволят четко выявлять, прогнозировать и в итоге предотвращать правовые манипуляции деструктивного характера как физических, так и юридических лиц. Подобные действия станут основой для целой системы «антирисковых действий», которая поможет государству в реализации его функций, в том числе в области контроля и надзора [Абакирова, Абдыряев, Василевич, 2018]. Имеется в виду, что, помимо использования инструментов управления, которые связаны с цифровизацией, направлены на минимизацию очного канала взаимодействия субъектов, осуществляющих контроль, и объектов, находящихся под их контролем, через обеспечение технологичности процедур контроля и надзора, могут использоваться также другие элементы государственного управления в сфере контрольно-надзорной деятельности. К ним можно отнести «поведенческие аспекты», в рамках исследования которых осуществляется составление прогноза рисков и делается попытка предупредить нарушения требований через анализ факторов-показателей поведенческого характера. К ним также можно отнести и «ориентированность на риски», при которой определяются виды и выводится алгоритм проведения мероприятий в области контроля и надзора [ан, 2018].

При осуществлении реформ в области государственного контроля (надзора) требуют особого рассмотрения полномочия Банка России в области контроля и надзора на финансовых рынках, а именно природа их возникновения, роль, которую играют поведенческие факторы в общей системе инструментов регулятивного характера для обеспечения устойчивости финансовой сферы государственного управления (например, когда определяются индикаторы угроз нестабильности с учетом их контролируемости и количественных характеристик) [Щербинин, 2015], в том числе определение стандартов в области ведения бизнеса, составление прогнозов для рисков, создание моделей поведения контролируемых объектов с точки зрения качественных характеристик.

Природа видов надзора, осуществляемых ЦБ РФ, определяется исходя из особенностей формирования его полномочий в сфере надзора. Такие особенности могут внести корректировку в существующий порядок вещей, когда они станут регулироваться не только преимущественно подзаконными правовыми актами, но в большей степени федеральным законодательством.

Пруденциальный надзор включал на протяжении многих лет лишь нормативные формальные требования, в том числе минимальный размер уставного капитала, размер превышения ставки кредитов и пр., которые были нормативно закреплены, контролировались и были определены к соблюдению [Луй, 2017]. Он являлся для

большинства исследователей инструментом для анализа процедуры регулирования ЦБ РФ доступа на финансовый рынок, процесса определения разрешительных требований, нормативов в финансовой сфере, предоставления отчетности учреждений финансового рынка на обязательной основе, а также оценки систем управления рисками в финансовых организациях [Корищенко, Морозов, 2017]. В исследовательских работах делался акцент на том, что при реализации пруденциального надзора наблюдается ориентация на сохранение и достижение устойчивости институтов с точки зрения финансовой составляющей. С точки зрения кредитных организаций, отмечалось, что требования к экономическим показателям в работе кредитных учреждений регулируются пруденциальными нормами в разрезе федерального законодательства. В то же время ответственность за нарушения в порядке предоставления отчетности регулируется подзаконными актами [Куракин, Карпухин, 2017].

Факт использования ЦБ РФ поведенческих элементов работы участников финансовых рынков через распространение надзорных процедур дает возможность осуществлять контроль различных аспектов деятельности субъектов рынка финансовой сферы, в том числе взаимодействие с другими участниками: регулятором, клиентами, конкурирующими структурами, контрагентами и др. Подобное явление говорит о новейшем для России виде надзора – поведенческом надзоре ЦБ РФ, который включает защиту прав потребителей финансовых услуг кредитными и некредитными финансовыми организациями и рассматривается как «процедура контроля за поведенческими моделями участников рынка с фокусом на процессе взаимодействия поставщиков и потребителей финансовых услуг». В функции поведенческого надзора входят те процедуры, которые выполняют превентивные цели, в частности, предупреждая случаи, когда учреждения, находящиеся в периметре надзора, нарушают требования при работе с агентами, потребителями услуг финансовой сферы. Помимо этого, в спектр контролируемых в рамках поведенческого надзора процедур над представителями рынка финансовой сферы входят определение практик, которые являются ненадлежащими, и их своевременное устранение. Таким образом, можно суммировать, что при формировании основных функций поведенческого надзора ЦБ РФ имеют место три основных направления контроля (надзора), включая предупреждение, выявление и пресечение нарушений.

По сути, основная идея состоит в том, чтобы Банк России оказывал поддержку той стороне финансовых сделок, которая находится в «слабом» положении (имеются в виду как граждане, так и юридические лица), балансируя их отношения с теми, кто находится в «сильном» положении (подразумеваются финансовые организации), которые по умолчанию имеют преимущество. Принимая такую точку зрения, поведенческий надзор

можно определить как «систему контроля за добросовестностью финансовых организаций при продажах, заключении договоров и выполнении своих обязательств» и как «один из способов повышения защищенности потребителя».

Текущая ситуация характеризуется, с одной стороны, формальностью при выполнении требований, а с другой – большим количеством претензий касательно услуг финансового сектора, предоставляемых отдельными организациями, наряду с падением уровня доходов граждан, являющихся их клиентами, а также снижением уровня востребованности. В связи с этим ЦБ РФ стоит перед вызовом, как и на какие именно явления реагировать при ведении своей контрольной деятельности на рынках финансового сектора. Рассматривая ситуацию в данном контексте, необходимо отметить, что преимущество поведенческого надзора состоит в возможности акцентированно сосредоточиться на отдельных принципиальных моментах, а также на приоритетах, которые возникают в рамках взаимодействия учреждений, находящихся под надзором Банка России (кредитных и некредитных, саморегулируемых организаций в финансовом секторе) с потребителями услуг финансового рынка (включая страхователей, инвесторов, застрахованных, выгодоприобретателей, участников негосударственного пенсионного фонда по негосударственному пенсионному обеспечению, лиц, осуществляющих вклады, и пр.). Исходя из данного принципа, активность Банка России по защите потребительских прав финансового рынка становится существенной по своей значимости частью его деятельности по контролю и надзору.

Важно, что для обеспечения устойчивости финансового сектора исполнительные органы государственной власти не только осуществляют функцию государственного управления (что является ее публичной составляющей), но и оказывают учреждениям различные финансовые услуги. Значимой частью данной деятельности является текущее состояние потребителя (его статус), проявляющееся в оценке его безопасности, а также уровень удовлетворенности получаемыми услугами на финансовых рынках. Зачастую складывается ситуация, при которой потребитель взаимодействует с финансовыми учреждениями исходя из заранее predeterminedенных для него условий, он не обладает специфическими знаниями и не может оценить риски приобретаемых услуг, а также осуществить их дифференциацию. Еще труднее потребителю оценить добросовестность конкретного финансового учреждения, которое предоставляет ему финансовые услуги, и дать прогноз устойчивости его развития в будущем. Клиенту также сложно дать оценку правомерности тех требований, которые ему предъявляют представители конкретной организации при оказании услуги на финансовом рынке. В связи с этим надзорная деятельность за организациями в высшей степени актуальна, поскольку направлена на

безопасность клиентов, обеспечение защиты их интересов, повышение устойчивости финансового сектора. Важность данной деятельности также объясняется активным развитием финансовых услуг в текущем моменте, возросшим числом их разновидностей и каналов реализации, к примеру, электронные каналы, система «Маркетплейс» и др. [Рахманина, 2018]. Относительно нормативного закрепления описываемых действий (включая их создание, а также развитие) принципиально указать, что законодательство и правотворчество находятся пока в «перспективной фазе». То же относится и к внедряемому Банком России поведенческому надзору.

В первую очередь речь идет о том, что в законодательстве отсутствует определение понятия «поведенческого надзора». Содержание данного понятия должно включать взаимодействие учреждений финансового рынка со своими потребителями, при этом главным критерием такого взаимодействия должна быть добросовестность. Стоит отметить, что это понятие различается в зависимости от употребления в качестве процедуры, системы контроля или же способа защиты. Отождествлять данное понятие с процедурой контроля представляется некорректным применительно к реформированию административно-процессуального законодательства и имеющейся многозначности подходов внутри процессуального, а также процедурного блоков административного права [Боннер, 2016; Стариков 2018]. В случае если должностные лица ЦБ РФ ограничатся обозначением в своих стратегиях, презентационных материалах, докладах отдельных инструментов (к примеру, механизма риск-аналитики), то вопрос об изменении акцентов касательно регулирования государственного контроля (надзора) с уровня подзаконных актов на законодательный уровень (о чем было заявлено в Послании Президента РФ 2019 г.) не будет решен. Факты того, что дефиниция поведенческого надзора не закреплена нормативно, и то, что содержание его характеристик носит разнородный характер, могут негативно сказаться на тех проблемах в разграничении переходящих государственных полномочий в сфере надзора ЦБ РФ и остальных органов исполнительной власти, которые задействованы в защите прав потребителей услуг финансового сектора.

К примеру, взаимодействовать с потребителями услуг финансового сектора и защищать их законные права и интересы может помимо ЦБ РФ еще и Роспотребнадзор. При этом ЦБ РФ вправе, обладая полномочиями мегарегулятора финансового сектора, приостановить функционирование финансового учреждения за счет административных действий в случае, если оно нарушает правила, в том числе в рамках оказываемых клиентам услуг. Роспотребнадзор, в свою очередь, имеет полномочия лишь проверить полноту исполнения специального закона о защите прав потребителей. Благодаря внедрению концепции поведенческого надзора, а также факту появления в структуре ЦБ РФ

специальной Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг организации финансового сектора контролируются уже несколькими «центрами» отчетности и ответственности с точки зрения нарушений правил взаимодействия с потребителями финансового сектора.

Стоит также отметить, что помимо упомянутых структур в деятельность на рынках финансового сектора также вовлечена Федеральная служба судебных приставов (ФССП России). Начиная с I квартала 2017 г. эта служба в качестве основного направления деятельности отвечает за федеральный государственный контроль (надзор) за возвратом юридическими лицами задолженности, которая была просрочена. Ответственность же за соблюдение самих правил по взысканию лежит на ЦБ РФ. Это объясняется необходимостью соблюдения данных правил как коллекторами, так и кредитными организациями, которые находятся под надзором ЦБ РФ.

В итоге когда поступает обращение от клиента относительно неправомерных действий со стороны кредитных организаций (например, когда есть жалоба в отношении микрокредитной организации по взысканию просроченной задолженности), ее рассматривают две инстанции – ЦБ РФ и ФССП. Также стоит отметить, что отдельные функции в области контрольно-надзорной деятельности, закрепленные за ЦБ РФ и ФССП, перекликаются. Так, к примеру, при нарушении требований закона, возникающих при взыскании просроченной задолженности в рамках защиты прав и законных интересов физических лиц, применяется ст. 14.57 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), предполагающая административную ответственность. Правом составления самого протокола обладают представители ФССП (п. 104 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ и Приказ ФССП России). Протокол составляется по результатам проводимых мероприятий проверки, когда делается запрос в конкретную организацию, предоставляющую кредитные услуги микрофинансирования и самостоятельно осуществляющую взыскание задолженности в рамках договора займа, если она была просрочена. Направляют же подобные запросы только представители ЦБ РФ (на основе подп. 2 п. 3 ст. 14 Федерального закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»). В результате такого пересечения компетенций возникает сложная ситуация, которая приводит к непрямой системе надзора за работой организаций микрофинансовой сферы и, соответственно, защите прав потребителей данных услуг. При поступлении обращения граждан в случае имеющихся предпосылок административного нарушения (ст. 14.57 КоАП РФ) ЦБ РФ осуществляет аккумуляцию материалов, а затем направляет их в ФССП России. Далее ФССП принимает решение о возбуждении дела об административном правонарушении и необходимости подготовки

протокола. При этом соответственно крайне замедляются сроки, необходимые для мер реагирования, становится шире зона административного усмотрения, зачастую применяются различные виды правоприменительной практики, и в итоге эффективность защиты прав граждан, потребляющих финансовые услуги, снижается.

Подобная ситуация возникает и с точки зрения соотношения полномочий Банка России и Роспотребнадзора при определении признаков навязывания продуктов финансового сектора. Практика показывает, что, оформляя кредитное соглашение в банке, клиентский менеджер иногда навязывает гражданину договор страхования жизни или здоровья. Аналогично развивается ситуация и при оформлении полиса по ОСАГО, когда представители страховых учреждений убеждают клиента по данной услуге дополнительно приобрести и оформить страхование жизни (или же в противном случае заключение договора ОСАГО невозможно). Таким образом, получая одну услугу финансового рынка (в данном случае потребительский кредит или договор ОСАГО), клиент вынужден также приобретать услуги добровольного страхования [Гузнов, Рождественская, 2019].

В подобной ситуации можно говорить о том, что полномочия ЦБ РФ и Роспотребнадзора в сфере защиты прав потребителей услуг финансового сектора находятся в процессе корреляции. Поведение финансового учреждения по очевидному нарушению законодательства (что подтверждает судебная практика по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ), связанное с включением в договор по кредиту условия, ущемляющего признанные законом права гражданина, подпадает под рассмотрение Роспотребнадзора. Данное нарушение подпадает под нарушение требований Закона РФ «О защите прав потребителей» и не связано с отдельными нормами страхования в банковской и страховой сфере, надзор над которыми ведет ЦБ РФ. Вместе с тем, когда заключается договор обязательного страхования (к примеру, рассматриваемый договор ОСАГО) и он обуславливается необходимостью заказа дополнительных услуг, об обязательности которого не сказано в федеральном законе, то совершается правонарушение, которое регламентировано ответственностью (ст. 15.34.1 КоАП РФ). Привлечь к ответственности такие учреждения за совершаемые нарушения в области административного права призван ЦБ РФ, это его полная компетенция. Учитывая, что соблюдение принципа отсутствия признаков навязывания продуктов финансовой сферы имеет крайне важное значение (его роль в контексте поведенческого надзора существенна), вызывает сожаление, что согласование позиций и эффективное взаимодействие между ЦБ РФ и Роспотребнадзором в контексте рассмотрения обращений граждан по данной тематике до сих пор не налажены.

Сама ситуация, когда клиентам навязываются дополнительные услуги, является предметом, рассматриваемым в поведенческой плоскости. Для самого ЦБ РФ

поведенческий надзор является тем инструментом, который позволяет «исключить недобросовестные практики и токсичные продукты» из их присутствия в финансовой сфере. Данный инструмент уже имеет сложившийся опыт своего использования. Большинство зарубежных стран используют его в качестве важной составляющей своей финансовой политики, помогающей повысить качество взаимодействия участников финансовых рынков и укрепить их стабильность.

Европейский и американский опыт в области поведенческого надзора насчитывает более пяти лет. Он осуществляется специальными государственными учреждениями и другими публичными субъектами, которые обладают административно-властными полномочиями. В Великобритании функционирует Financial Conduct Authority (Управление финансового поведения, FCA), в США – Consumer Financial Protection Bureau (Бюро финансовой защиты потребителей, CFPB). Данные органы были созданы в результате последствий кризиса, который разразился на финансовых рынках в 2008 г. Данные события заставили власти в новом контексте посмотреть на проблемы защиты прав потребителей в финансовой сфере [Санникова, 2017]. Кризис в том числе дал понять специалистам и исследователям, что в классической экономической теории в разрезе поведения субъектов, занимающихся производством и потреблением финансовых услуг, существуют очевидно слабые места. В итоге органы, ответственные за контрольно-надзорные действия, встали перед необходимостью с новых позиций осуществлять анализ поведения потребителей и производителей финансового рынка, выстраивать наиболее эффективный формат их субъектного взаимодействия [Ковас, 2015]. Также стоит отметить, что Управление по финансовому регулированию и контролю Великобритании (Financial Conduct Authority, FCA) внесло изменения в свою деятельность, перейдя от реактивного к превентивному надзору, ставя цель построить эффективную модель защиты прав потребителей на финансовых рынках [Ходжес, 2019].

Внедрение к реализации поведенческого надзора даст возможность госвласти перейти к новым стандартам ведения бизнеса его участниками, минимизировать практики, ведущие к недобросовестности, осуществить комплексное воздействие на финансовый рынок, вместо того чтобы точно реагировать на отдельные обращения потребителей, испытавших на себе нарушения своих прав при приобретении финансовых услуг.

В настоящее время ведомственные нормативные акты Банка России и стандарты саморегулируемых организаций (СРО) компенсируют отсутствие законодательства при регулировании поведенческих компонентов контрольной деятельности. В связи с появлением базовых стандартов СРО в области защиты прав потребителей возникает насущная необходимость включения регулятивных поведенческих техник в корпоративные

стандарты, систему правления рисками и пр. [Гузнов, 2017]. Данный факт делает надзор за поведением участников рынка финансовых продуктов и услуг по отношению к их потребителям стратегическим приоритетом регуляторов этого рынка. В случае наличия основополагающих стандартов в области защиты прав потребителей финансовых продуктов и услуг сценарии взаимодействия с потребителями станут более приемлемыми, будет сокращена до минимума возможность недобросовестного поведения на рынке. Так, например, ЦБ РФ было направлено информационное письмо в адрес СРО (от 28.11.2018 № ИН0159/69), содержащее рекомендации к разработке типовых сценариев (инструкций), по которым может вестись взаимодействие с гражданами (физлицами) в рамках приобретения ими финансовых продуктов, а также принципы осуществления подобной деятельности. Эти принципы содержат пункты (в виде положений) о том, что навязывание финансовых продуктов недопустимо, что необходимо информировать потребителей о тех продуктах или услугах, которые им предлагаются. СРО обладают полномочиями осуществлять проверки и принимать определенные меры реагирования в направлении организаций, реализующих услуги по микрофинансированию, которые являются их членами. Данные действия могут быть приняты в случае, если к ним обратятся либо органы власти, либо представители ЦБ РФ, либо получатели финансовых услуг. Обращения оформляются на предмет соблюдения требований базового стандарта.

1.2. Анализ публикаций по вопросам влияния динамики нефтяных цен на деятельность банков

Экономики, экспортирующие сырьевые товары, демонстрируют процикличность по отношению к ценам экспортируемого сырья. Известно, что финансовые трения усиливают шоки цен на сырьевые товары, однако, каким именно образом это происходит в экспортирующих экономиках, до конца остается неясным. Используя российские данные за период 2001–2018 гг., мы оценили новокейнсианскую модель малой открытой экономики с банковским сектором и закредитованными производителями, которые выпускают безрисковый долг, а также могут объявлять дефолт по рисковому домашним займам. Залоговое ограничение и возможность дефолта генерируют внутреннюю стоимость ограничений (wedges), которая изменяется внутри системы вместе с деловым циклом, усиливает оцененный вклад шока цен на сырьевые товары и уменьшает важность шока инвестиций и шока предпочтений времени. При наличии финансовых трений оптимальная политика характеризуется монетарной политикой с более низким коэффициентом отклика процентной ставки на изменение инфляции и ВВП, но с более активным регулированием кредитного цикла через набор инструментов макропруденциальной политики.

Высокая волатильность показателей развивающихся экономик привела к возникновению множества конкурирующих между собой объяснений причин волатильности. В основе объяснений могут лежать шоки условий торговли [Mendoza, 1995; Kose, 2002], шоки цен на сырьевые товары [Fernández et al., 2017], шоки продуктивности [Aguilar, Gopinath, 2007], шоки премии за риск и шоки финансовой премии [Neumeuer, Perri, 2005]. В последнее время в литературе делаются попытки оценить роль цен на сырьевые товары в свете существования финансовой премии. Например, в [Drechsel, Tenreyro, 2018] показано, что шоки цен на сырьевые товары ответственны за 38% вариации выпуска в случае, когда внешняя премия за риск изменяется вместе с ценами на нефть, в то время как в работе [Kaas et al., 2020] рассматривается влияние фискальной политики на частный долг и вероятность дефолта. Для развивающихся экономик с положительной международной инвестиционной позицией по активам такой механизм трудно представить в качестве источника волатильности агрегированных показателей и финансовой нестабильности. Вместе с тем важность дефолтов на внутреннем рынке корпоративного кредитования подтверждена для экономики США [Gilchrist, Zakrajšek, 2012] и для закрытых экономик [Cui, Kaas, 2020]. Основным вопросом заключается в том, могут ли внутренние кредитные рынки служить механизмом усиления шоков цен на сырьевые товары для экономик с профицитом счета текущих операций.

С марта 2020 г. на нефтяные рынки оказало влияние исключительное слияние шоков спроса и предложения, которые вылились в беспрецедентный обвал цен на нефть. Пандемия COVID-19 и меры, принятые для сдерживания ее распространения – карантин, ограничения на поездки, закрытие второстепенных видов деятельности, – вызвали серьезные экономические потрясения. Правительства отреагировали программами по смягчению последствий кризиса и сбоев в экономической жизни, а центральные банки снизили процентные ставки и ввели ликвидность в чрезвычайных масштабах. Тем не менее многие страны испытали глубокий экономический спад, особенно резко сократились поездки и перевозки, причем оба этих вида деятельности являются очень нефтесодержащими.

Падение спроса на энергоносители произошло сразу после того, как ОПЕК и Российская Федерация задержали продление соглашения о добыче в начале марта. За этим последовало резкое увеличение добычи нефти в некоторых странах ОПЕК [World Bank, 2020a]. Новое соглашение между ОПЕК и производителями, не входящими в ОПЕК, о сокращении добычи было достигнуто в начале апреля; однако после объявления о соглашении цены упали еще больше. В сочетании с падением мирового спроса на энергию

мировые запасы нефти резко выросли, а оставшаяся емкость хранения ограничена [IEA, 2020].

Цены на нефть резко упали, зафиксировав самое большое месячное падение за всю историю наблюдений в марте 2020 г. Наибольшее падение зафиксировано по европейской спотовой цене Brent, цена на нефть упала на 85% в период с 22 января, когда произошла первая передача COVID от человека к человеку. Его дно пришлось на 21 апреля. В итоге падение было более сильным, чем в разгар мирового финансового кризиса (70% с конца августа до конца декабря 2008 г.), и больше, чем резкое падение за весь период с конца июня 2014 г. до середины января 2016 г. (77%). Цена на нефть марки West Texas Intermediate упала до отрицательной зоны 20 апреля. С тех пор цены на нефть марки Brent несколько восстановились, но в среднем около 30 долл./барр. в первые три недели текущего года. Цена в мае остается ниже половины своего среднего показателя за январь.

В контексте нынешних широко распространенных и жестких ограничений экономической деятельности, направленных на сдерживание распространения пандемии, низкие цены на нефть вряд ли станут значительным буфером для мировой экономики. Действительно, есть признаки того, что низкие цены на нефть могут даже усугубить ущерб, нанесенный пандемией, ослабив балансы производителей. Однако высокие уровни запасов предполагают, что цены на нефть могут оставаться низкими в течение некоторого времени, что может оказать некоторую первоначальную поддержку более широкому восстановлению экономики, когда оно начнется.

На этом фоне исследуются вероятные последствия резкого падения цен на нефть в 2020 г., при этом оно рассматривается в историческом контексте, извлекаются уроки из опыта экспортеров и импортеров энергии из стран с формирующимся рынком и развивающихся стран (EMDE) во время резкого падения 2014–2016 гг. В частности, наиболее актуальными являются следующие вопросы: что стало причиной обвала цен на нефть в 2020 г.? Как это соотносится с предыдущими кризисами на рынке энергоносителей? Как низкие цены на нефть могут повлиять на возможное восстановление экспортеров и импортеров энергии из региона EMDE?

Снижение цен на нефть в основном обусловлено спросом. Обвал цен на нефть в марте стал самым резким месячным падением за всю историю наблюдений. Резкое снижение потребления нефти в контексте все еще стабильного производства привело к быстрому наращиванию запасов нефти, при этом оставшиеся мощности хранилищ были близки к мощности в июне 2020 г. Падение цен на нефть в основном отражало падение спроса, вызванное пандемией, и ограничения, которые были необходимы, чтобы остановить его распространение. Эти ограничения не только спровоцировали глобальную

рецессию, но и серьезно подорвали поездки и транспорт, на которые приходится около двух третей спроса на нефть. В целом по итогам 2020 г. спрос на нефть сократился примерно на 8%, что является беспрецедентным падением. Факторы со стороны предложения, в частности, первоначальная задержка с соглашением об ограничении добычи, усугубили понижательное давление на цены на нефть.

Этому последнему падению цен на нефть предшествовали шесть предыдущих падений за последние полвека. Во время прошлых периодов, связанных со спросом, экспортеры и импортеры энергоресурсов несли аналогичные начальные потери производства (около 0,5%), которые были ликвидированы в течение трех лет. Однако при падении цен на нефть, обусловленном предложением, импортеры энергоносителей не стали свидетелями устойчивого роста, наоборот, экспортеры понесли потери в сфере производства, как и при падении цен на нефть, и менее трети этих потерь было ликвидировано тремя годами позже. Такое долговременное влияние резкого падения цен на нефть из-за предложения может отражать переоценку долгосрочных перспектив экспортеров энергии. Страны EMDE, экспортирующие энергию, с более низкой задолженностью, более гибкими обменными курсами и более диверсифицированной экспортной базой несли меньшие краткосрочные потери производства.

1.3. Анализ публикаций по вопросу развития экосистем

Финансовые операции лежат в основе современной экономики. Платежи и денежные переводы совершаются с высокой частотой и формируют устойчивую связь с потребителем. Кредиты поддерживают и стимулируют продажи товаров и услуг. Сберегательные и инвестиционные продукты создают ресурсную базу для развития предприятий. Проникновение и степень взаимосвязи финансовых услуг с реальным сектором сегодня настолько высоки, что эти сервисы являются обязательным компонентом любой крупной экосистемы.

За рубежом диверсифицированные экосистемы традиционно создают технологические компании (такие как Amazon, Apple, Google и Alibaba), которые рассматривают финансовые услуги как необходимый элемент пользовательского опыта. Поэтому они активно встраивают их в свои бизнес-модели, формируя партнерства с кредитными организациями или создавая собственные банки.

Так, например, в США Apple запустила кредитную карту Apple Card в партнерстве с Goldman Sachs, который предоставил для проекта свою инфраструктуру. Китайская Tencent инвестировала в создание полностью цифрового банка WeBank с целью интеграции

кредитных продуктов в мессенджер WeChat. Группа Alibaba также запустила цифровой банк под брендом MYbank, ориентированный на малый бизнес.

При этом тенденция экспансии самих банков за пределы финансового сектора за рубежом пока выражена слабо. Во многом это связано с регуляторными ограничениями по инвестициям банков в нефинансовый бизнес. Кроме того, доминирующие на рынках США, Европы и Азии технологические компании существенно превосходят по количеству клиентов и капитализации местные банки, что практически исключает между ними прямую конкуренцию. Таким образом, банки на этих рынках развивают преимущественно нишевые финансовые экосистемы, точно дополняя их сопутствующими услугами партнеров.

Сегодня в России большинство финансовых услуг доступно розничным клиентам банков через интерфейс мобильных приложений, а данные о транзакциях и поведении пользователей используются кредитными организациями для оценки рисков, персонализации обслуживания и кросс-продаж. Некоторые банки (например, Тинькофф) практически полностью перешли на онлайн-каналы для общения с клиентами.

В дополнение к этому в нашей стране начинает формироваться новый тренд – классические банки демонстрируют амбиции по созданию кросс-индустриальных экосистем на основе собственной пользовательской аудитории и цифровых каналов взаимодействия с клиентами.

В отличие от других стран у российского рынка есть ряд особенностей, которые влияют на его структуру.

Во-первых, в России есть технологические компании, способные – во всяком случае, локально – конкурировать с глобальными игроками, такими как Google, Facebook и Amazon. Прежде всего это Яндекс и Mail.Ru, которые строят диверсифицированные экосистемы, используя аудиторию своих ключевых бизнес-направлений – интернет-поиска и социальных сетей.

Портфель Яндекса уже насчитывает более 50 цифровых сервисов, наиболее крупными из которых являются услуги такси, доставки еды и продуктов, а также электронная коммерция.

Mail.Ru тоже делает акцент на этих сегментах, при этом компания развивается в том числе в формате совместных предприятий – например, со Сбербанком (сегмент доставки еды и транспортных услуг) и китайской Alibaba (рынок электронной коммерции).

В перспективе значимые потребительские экосистемы также могут сформироваться вокруг крупных независимых игроков в сегменте электронной торговли (Ozon и Wildberries) и телекоммуникаций (МТС).

У всех перечисленных компаний (или их акционеров) в периметре есть универсальные банки. При этом их роль в экосистеме имеет вспомогательный характер. Являясь функциональной частью более крупной структуры, они не контролируют стратегию развития «большой» экосистемы и не играют решающей роли в ее финансировании.

Во-вторых, есть крупные банки, сопоставимые с технологическими компаниями по онлайн-аудитории и в ряде случаев превосходящие их по финансовым возможностям.

В итоге в России складывается уникальная ситуация: экосистемы одновременно развивают несколько локальных технологических компаний и отдельные банки (например, Сбер, ВТБ и Тинькофф). При этом банки используют разные стратегии для достижения этой цели.

Конкурентные условия между банками и технологическими компаниями также различаются. С одной стороны, в отличие от бигтехов банки имеют возможность привлекать средства на счета и депозиты, которые гарантирует ССВ, а также получают больше информации о своих клиентах за счет обязательной идентификации. С другой стороны, российские технологические компании сегодня значительно меньше регулируются.

2. Стратегии развития банков в условиях снижения цен на нефть

2.1. Анализ динамики цен на нефть и их влияния на банковскую деятельность

За падением цен на нефть в 2014–2016 гг. последовало резкое снижение темпов роста мировой экономики. Падение цен на нефть в 2020 г. само по себе маловероятно, чтобы спровоцировать восстановление роста мировой экономики из-за того, что оно обусловлено спросом, а также из-за сбоев, которые оно может вызвать в странах EMDE, экспортирующих энергоресурсы.

В конце 2014 г. ожидалось, что падение цен на нефть на 50% в период с июня по ноябрь 2014 г. увеличит мировой ВВП примерно на 0,3–0,7% [Arezki, Blanchard, 2014]. Ожидалось, что более низкая стоимость важнейшего сырья для мирового производства повысит глобальную активность и передача доходов и богатства из стран – экспортеров энергоресурсов с более высокими нормами сбережений в страны – импортеры энергии с более высокой склонностью к расходам также будут стимулировать мировой спрос [Baffes et al., 2015; World Bank, 2015a]. Ожидалось также, что снижение цен на нефть приведет к уменьшению инвестиций в нефтяную промышленность, однако предполагалось, что это будет более чем компенсировано ростом потребления и энергоемкими секторами (транспорт, производство и сельское хозяйство).

Однако ожидаемый «выстрел в руку» для роста мировой экономики оказался **замедленным**. Вместо этого в 2016 г. глобальный рост замедлился почти до посткризисного минимума в 2,6%. Глобальный рост ускорился в 2017–2018 гг. только после того, как в ведущих экономиках были введены значительные политические стимулы. Неутешительная краткосрочная траектория роста отражала несколько факторов, о которых речь пойдет ниже.

Падение цен на нефть в 2014–2016 гг. оказало серьезное влияние на экспортеров сырьевых товаров. В 2015 и 2016 гг. рост замедлился более чем в 70% стран EMDE, экспортирующих энергию, при этом во многих из них наблюдалось сокращение потребления и инвестиций. Поскольку страны – экспортеры энергоносителей, как правило, менее диверсифицированы, чем другие экспортеры сырьевых товаров, они особенно уязвимы перед падением цен на нефть [Aslam et al., 2016]. Многие экспортеры энергоносителей из региона EMDE, в значительной степени полагаясь на доходы от углеводородов, были вынуждены ужесточить налогово-бюджетную политику, чтобы скорректировать расходы с доходами, несмотря на растущий экономический спад и снижение долгосрочных перспектив роста с привлечением суверенных фондов благосостояния [World Bank, 2015a]. Ужесточение налогово-бюджетной политики часто сопровождалось ужесточением денежно-кредитной политики и интервенциями на валютном рынке для поддержки валют или валютных привязок. По мере того как иностранные резервы истощались, некоторые страны в конечном итоге приняли более гибкие режимы обменного курса в рамках адаптации к низким ценам на нефть. Небольшое количество стран с серьезным давлением на ликвидность прибегли к нетрадиционным мерам [Sommer et al., 2016].

Неблагоприятные вторичные эффекты спада наблюдались в странах – экспортерах энергии. Негативные процессы в России и странах Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССЗ) привели к сокращению внутрирегиональных торговых потоков, денежных переводов, прямых иностранных инвестиций и официальных грантов [World Bank, 2015a]. Особенно сильно пострадали страны – экспортеры энергоносителей с низкими доходами (Чад, Южный Судан), поскольку последствия скачка цен на нефть усугубились конфликтом и ухудшением условий безопасности. Влияние на импортеров энергии оказали и ответные меры политики. В 2015–2016 гг. в импортирующих энергоресурсы странах с развитой экономикой и странах с развивающейся экономикой наблюдалось замедление восстановления. Отчасти это также отражало структуру энергопотребления Китая и потребности в перебалансировке. Китай является вторым по величине импортером нефти в мире, но доля нефти в его общем потреблении энергии самая

низкая среди экономик G20. Регулируемые затраты на топливо и низкий вес энергии и транспорта в потребительских корзинах ограничивают реальные доходы потребителей от более низких цен на нефть [World Bank, 2015a]. Падение цен на нефть также совпало с сокращением почти вдвое роста инвестиций, который, как правило, требует значительных ресурсов, чтобы обеспечить устойчивый уровень роста.

2.2. Трансформация бизнес-моделей банков в условиях низкой процентной маржи

Традиционная модель интегрированного корпоративного банковского обслуживания уходит в прошлое, а на ее месте формируется разнообразная экосистема банковских и небанковских организаций. В результате банки рискуют потерять от 100 до 150 млрд долл. своих глобальных доходов. Каким будет результат этого процесса? Как традиционные игроки могут упрочить свое положение в новой ситуации?

Долгое время рынок корпоративного банковского обслуживания общим объемом 780 млрд долл. был стабильным источником доходов для банков. Несмотря на стремительное развитие цифровых инноваций на рынках розничных банковских услуг и рост влияния небанковских организаций в институциональном бизнесе, корпоративный банковский рынок был «под защитой». Этот продукт основан, скорее, на отношениях с клиентом, чем на типовых условиях, и он критичен для выполнения казначействами компаний своих функций, требующих глубокой интеграции систем банка и клиента. Поэтому поставщики финансовых технологий (финтех-компании) и другие альтернативные игроки уступают в этой области банкам.

Сегодня для управления валютным риском многие крупнейшие компании уже используют мультидилерские валютные платформы (например, 360T). Для управления платежами, оборотным капиталом и ликвидностью многие компании также применяют не цифровые каналы доступа к банковским услугам, а системы по управлению казначейскими операциями (TMS) и планированию ресурсов предприятия (ERP).

На рынке можно видеть и более глубокие изменения, которые могут привести к формированию открытой и взаимосвязанной «экосистемы» корпоративного банковского обслуживания. Вполне можно утверждать, что некоторые области рынка менее подвержены влиянию новых тенденций, и в них, как мы ожидаем, эволюционный переход к открытой экосистеме будет проходить медленнее или менее выражено (например, структурированное кредитование, крупные корпоративные платежи). Однако это не означает, что традиционные банковские игроки могут расслабиться: на данный момент именно области с максимальной маржой (обслуживание МСБ, платежи и конверсионные валютные операции) наиболее уязвимы, и даже те продукты, которые лежат в основе

корпоративного банковского обслуживания, вероятно, в итоге тоже подвергнутся трансформации.

Мы считаем, что результатом будет открытая экосистема со множеством различных участников, конкурирующих между собой за предоставление финансовых и нефинансовых продуктов и услуг, которые необходимы и важны для корпоративных клиентов. Это и есть пример модульных финансовых услуг, которые впервые были описаны в отчете Oliver Wyman о состоянии сектора финансовых услуг за 2016 г.² Данная тенденция уже отчетливо проявляется в розничном банковском обслуживании и страховании.

Что касается корпоративного банковского обслуживания, то на данном этапе трансформации и формирования открытой экосистемы все более четко выделяются четыре основные области конкуренции. Перечислим их:

- цифровая трансформация обслуживания клиентов;
- интеграторы и решения для цепочки создания стоимости;
- агрегаторы, всестороннее представление о клиенте и прозрачность ценообразования;
- монолайнеры и прямое взаимодействие с клиентами.

Цифровая трансформация обслуживания клиентов. Банки активно инвестируют в цифровые технологии, внедряемые в систему обслуживания корпоративных клиентов. На замену устаревшим цифровым каналам приходят платформы следующего поколения, использующие последние технологические достижения. Они отличаются интуитивным пользовательским интерфейсом, универсальностью с точки зрения канала взаимодействия с клиентом (онлайн-обслуживание, использование телефона или планшета), модульной архитектурой и новейшими решениями в области безопасности. Ведущие банки активно инвестируют в контент и дополнительные услуги, чтобы обеспечить лояльность со стороны клиентов. Это еще одно свидетельство того, что им важно сохранить контакт с клиентом за собой.

Интеграторы и решения для цепочки создания стоимости. Существующие поставщики программного обеспечения или услуг в рамках цепочки создания стоимости от закупки до платежа (например, оформление покупки товара, электронные инвойсы, учет или логистика) пользуются преимуществами своего положения и в рамках интегрированного обслуживания предлагают клиентам финансовые услуги напрямую. В данном направлении существует множество новых игроков: от компаний онлайн-торговли (Alibaba, Amazon) до платформ взаимодействия с поставщиками (SAP Ariba, Coupa) и

² URL: <https://www.oliverwyman.com/our-expertise/insights/2016/jan/modular-financial-services.html>

бухгалтерского учета (Oracle, SAP, Xero, Intuit). Также некоторые финтех-компании выводят на рынок решения, ориентированные на конкретные «болевые точки» (TradeShift, MarketInvoice).

Угроза для банков заключается в том, что эти игроки продолжают развиваться в направлении предоставления финансирования и будут за счет своего уникального положения предлагать клиентам интегрированное обслуживание (а также выступать в роли агрегатора) с предоставлением вариантов финансирования от нескольких банков (и, возможно, даже небанковских организаций). Некоторые уже добились успехов в данном направлении: в 2015 г. компания Alibaba запустила финансовое предложение для покупателей, а компания Xero объединила усилия с Wells Fargo по обеспечению интеграции вводных данных для платежей в реальном времени. Настоящий прорыв произойдет тогда, когда условный интегратор сможет обеспечить корпоративным казначействам взаимозаменяемость различных поставщиков, например, в области оборотного кредитования.

3. Анализ эффекта регулирования банковской деятельности на экономический рост

3.1. Подходы к анализу эффективности экосистем и их влияния на финансовый результат банков

Развитие платформенных сервисов в финансовой и нефинансовой сферах привело к качественной перестройке, оптимизации бизнес-процессов хозяйствующих субъектов, развитию конкуренции в различных секторах экономики, повышению доступности товаров и услуг для потребителей, а также повышению качества оказываемых услуг.

Скорость оказания услуг возрастает вследствие оптимизации процессов компанией в рамках одной экосистемы в том числе за счет уменьшения количества установленных приложений.

Для потребителя это минимизация временных издержек при анализе желаемого товара (желаемой услуги), а также индивидуальный подход в целях удовлетворения потребительских ожиданий конкретного пользователя. Также это дополнительная возможность диверсифицировать свои накопления, снизить расходы на бытовые и иные услуги, повысить уровень финансовой грамотности.

Для общества – эффективная реализация крупных проектов, требующих консолидации различных ресурсов и компетенций, что затруднительно в случае отдельных бизнес-единиц.

Развитие цифровых платформ, в том числе объединенных в экосистемы, позволит наиболее эффективно использовать инновационные ресурсы крупных компаний, предприятий среднего и малого бизнеса, человеческий капитал (профессионалов и фрилансеров на рынке труда), коммуникационные открытые ресурсы, в том числе организационные ресурсы органов государственной власти.

Дополнительно для бизнеса – это возможность разработки наилучшей логистики по всем этапам от закупки/производства товара до доставки его конечному потребителю; экономия при поиске целевой аудитории и затрат на рекламу; большой охват территорий для предложения своих товаров и услуг; удобство обслуживания, особенно при наличии в экосистеме банков и банковских продуктов.

Экосистемы позволяют увеличить доступность сервисов и услуг в удаленных районах за счет агрегации большого количества поставщиков на платформах. Кроме того, для регионов это возможность привлечь финансирование, расширить покрытие своих территорий более качественным интернет-соединением, соответственно, повысить безопасность территорий путем размещения высокотехнологичного видеонаблюдения.

Наличие системы единой подписки на все сервисы экосистемы позволяет новым пользователям опробовать новые направления услуг.

Значительный позитивный эффект будет реализован в развитии цифровых валют, что также снизит издержки на обслуживание расчетов между участниками платформ.

Вместе с тем утверждение о позитивной роли «платформенных сервисов» в снижении стоимости товаров, увеличении разнообразия предложений и улучшении доступности услуг не может одинаково распространяться и на платформы-агрегаторы, и на экосистемы.

Так, платформы-агрегаторы работают с клиентом в определенном (одном) сегменте и являются важнейшим рычагом развития МСП, где платформа, замыкая на себя вопросы продвижения товара (маркетинга), создает для предпринимателей предсказуемый клиентопоток. Тогда как экосистемы (объединение нескольких платформ) формируются компаниями, которые могут создавать переток клиентской массы из одного направления бизнеса в компании-партнеры, работающие на других рынках (не связанных с профилем деятельности основной компании).

Таким образом, создание нишевых узкопрофильных платформ, которые не обременены широким штатом сотрудников, имеют большой потенциал снижения стоимости товара для конечного потребителя, чем крупные экосистемы, которые зачастую предлагают завышенную цену, учитывающую повышенные операционные затраты.

Происходит унификация стандарта оказания услуг, что является своего рода саморегуляцией внутри экосистемы и приводит к повышению гарантий качества предоставления услуг. Кроме того, экосистема способна осуществлять контроль качества сервиса на более высоком уровне по сравнению с возможностями отдельной организации.

Модель экосистемы строится, как правило, вокруг ядра системы – якорных услуг, потому гибридная модель как основная модель для экосистемы видится самым оптимальным вариантом реализации. Данный принцип, по мнению большинства специалистов банковской отрасли, которые активно высказывают свое мнение на конференциях и круглых столах³, должен быть применим ко всем сегментам рынка, за исключением стратегических отраслей с особым порядком регулирования.

Кроме того, отмечается, что введение регуляторных требований об обязательной открытой модели для крупных экосистем зависит от их положения на рынке, в частности, в случае монополизации системой рынка (при этом в отношении уникальности товаров (услуг), предлагаемых в рамках экосистемы, может быть установлен определенный порог, например 20%).

Также следует обратить внимание на необходимость перед введением регуляторных ограничений, касающихся обязательности «открытой» модели для крупных экосистем, выработать позицию по двум вопросам.

Прежде всего, следует определить критерии экосистемы.

Представляется, что экосистемой может являться компания, которая предлагает клиентам услуги из множества индустрий (минимум 3–4 вида услуг). Например, экосистемой нельзя в полной мере называть компании, которые предлагают исключительно финансовые услуги (в том числе услуги для клиента могут оказывать банк, брокер, управляющая компания, страховая компания). Экосистемой не является компания, которая под разными брендами продает несколько видов товаров, поскольку индустрия данной платформы (не экосистемы) – исключительно продажа товаров.

Далее необходимо введение критериев «крупных»/«доминирующих» экосистем, которые могут, используя свою величину, нести дополнительные риски для экономики при развитии экосистемы по «закрытому» принципу. Основным критерием для определения «крупной» экосистемы чаще всего принято считать долю рынка такой компании в нескольких сегментах.

После определения всех основных критериев обосновано введение пропорционального регулирования в части обязательств по построению открытой модели.

³ URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/aktsii-meropriyatiya/kruglyy-stol-bankovskie-ekosistemy-tendentsii-i-perspektivy/>

Вместе с тем целесообразным представляется рассмотреть требования открытости/закрытости систем по отношению к разным секторам экономики и различным услугам.

Регуляторное требование об обязательной открытой модели для крупных экосистем может стать проблемой развития таких систем. Например, требование к открытому платежному сервису или разработанным информационным технологиям в рамках конкретной экосистемы может привести к утечке персональных данных клиентов, воспользовавшихся такими сервисами. Более логичным будет регулирование работы по открытой модели отдельных сегментов экосистемы, затрагивающих электронную коммерцию и образ жизни, в том числе с возможностью перехода сегмента экосистемы из одной модели в другую (например, при достижении определенных финансовых результатов данного сегмента и/или охвата территории действия сегмента экосистемы). Также можно рассмотреть требование к открытости сегмента экосистемы при достижении определенного количества участников, зарегистрированных в ней и пользующихся услугами данного сегмента.

Серьезного отношения заслуживают мотивационные проблемы, которые могут возникнуть в случае установления требования об открытой модели. Такое требование может привести к увеличению контроля владельца экосистемы над новыми участниками с целью повышения конкуренции по отношению к собственному бренду в этой же экосистеме. При гибридной модели стимулирование участия новых игроков в единой экосистеме, наоборот, способствует продвижению собственного бренда владельца экосистемы за счет увеличения разнообразия предлагаемых услуг и возможности направить новых пользователей в эксклюзивные элементы системы. Если экосистема имеет значительную долю в сегменте рынка, то возможно предусмотреть дополнительные законодательные стимулы для владельца с целью расширения доступа новых участников в данную экосистему, т.е. целесообразно рассмотреть возможность предоставления преференций для владельца экосистемы при увеличении конкуренции на его платформе.

Однако имеется и противоположная позиция, заключающаяся в следующем.

Финансовые сервисы всех крупнейших экосистем предлагаются преимущественно по закрытой модели – либо самой экосистемой (компаниями, входящими в ее группу), либо финансовыми организациями – партнерами, что, возможно:

- несет существенные риски для «здоровой» конкуренции в банковском секторе, так как банки, которые не имеют доступа к клиентской базе платформы (экосистемы), не смогут выдержать конкуренции с платформенным (экосистемным) банком;

- нефинансовые платформы тоже оказываются в менее выгодном положении, чем финансовые, так как вторые имеют большую возможность полностью «замкнуть» клиента на себе, если будет работать по закрытой схеме;

- нефинансовая организация не имеет полного доступа к ценной информации о клиенте – транзакциях и покупательной способности, поэтому может тратить гораздо больше времени и ресурсов на сбор информации о «своем» клиенте с целью предложения действительно необходимого клиенту продукта.

Исходя из изложенного, по мнению этих участников, целесообразно устанавливать требования открытости всех платформ (экосистем). Открытая модель представляется оптимальным решением, которое позволит участникам рынка выбирать путь развития платформы без страха конкуренции с закрытой моделью, открытая модель дает возможность менее крупным компаниям развивать свой бизнес «под» платформой (экосистемой). Решение о переходе на новую модель для существующих платформ (экосистем) не должно быть добровольным. Требование об открытости платформы должно действовать в отношении всех сегментов рынка, на которых представлена такая экосистема, а не только тех сегментов, на которых такая экосистема имеет значительную долю, так как она сможет занять лидирующее положение в этом сегменте в короткие сроки. Крупная финансовая платформа (экосистема), имеющая полную информацию о транзакционных данных о клиенте и его покупательной способности, существенно усиливает свои позиции при взаимодействии с клиентом, так как чаще попадает в «цель» при предложении последнему товаров (услуг, финансовых продуктов). Поэтому мы считаем, что такая платформа должна «делиться» накопленной пользовательской информацией о клиенте, а клиент должен иметь возможность передать эти данные другой платформе (экосистеме) или межбанковским каналам.

Исходя из изложенного полагаем целесообразным перед принятием решения о типе той или иной платформы (системы) (закрытом/открытом) рассмотреть совокупность критериев и факторов, к числу которых могут относиться как особенности бизнеса, производящего предлагаемые в рамках системы товары (услуги) (в некоторых случаях ключевого (базисного) элемента той или иной платформы), его доля на рынке, так и комфорт и безопасность потребителя этих товаров (услуг).

Одним из важнейших вопросов является введение регуляторных требований для эксклюзивных поставщиков при работе с крупными экосистемами. Нужно определиться, обязан ли такой поставщик предложить возможность сотрудничества всем заинтересованным лицам в случае реализации уникального товара или услуги через одну из крупных экосистем.

В целом введение требований к эксклюзивным поставщикам является избыточным и требует дополнительной проработки, поскольку поставщиками таких услуг могут являться как крупные организации, так и субъекты МСП, для которых возможность получения постоянного контракта на предоставление услуги может являться основным способом выживания в конкурентной борьбе. В этой связи представляется, что регулирование экосистем не должно затрагивать компании, не входящие в экосистему, а лишь затрагивать компании, являющиеся ее поставщиками.

Эксклюзивному поставщику должно предоставляться право выбора экосистемы-партнера, не ограниченное нормативными требованиями. Государственное вмешательство должно быть направлено на поддержание конкуренции на рынке экосистем и исключение монополий. При наличии конкурентной среды дополнительные регуляторные механизмы не потребуются. В идеале именно потребитель должен стать регулятором эффективного отбора поставщиков в экосистеме, «голосуя» рублем за или против данного сервиса, предпочитая аналогичный в иной экосистеме. Важно сформировать требования к качеству услуг, уровню сервиса и защите прав потребителей в экосистемах, которые позволят реализовать такие возможности потребителю.

Необходимо отметить целесообразность контроля соглашений между эксклюзивным поставщиком и определенной экосистемой, направленных на закрепление преимуществ за этой экосистемой в представлении продуктов данного поставщика. Наличие таких соглашений может закрепить монополию экосистемы на определенный продукт, что повлечет снижение его доступности для потребителя. Однако в случае эксклюзивности продукта, произведенного самим владельцем экосистемы, такие требования не представляются необходимыми. Соответственно, эксклюзивный поставщик должен предоставлять равные требования ко всем экосистемам-конкурентам в случае принятия решения работы с несколькими экосистемами.

В случае если эксклюзивность предполагает ограничение на пользование определенным продуктом экосистемы (что может повлечь завышение требований и/или тарифов для подключения к данной услуге), регуляторные требования для эксклюзивных поставщиков при работе с экосистемами могут помочь получить уникальную услугу большему количеству пользователей, в том числе при возможности предложения сотрудничества всем заинтересованным лицам.

В целях обеспечения конкуренции необходимо не допускать «эксклюзивности» каналов продаж для продуктов платформы. Платформа должна предоставлять возможность приобрести ее товары (услуги, финансовые продукты) не только в рамках своей экосистемы, но и через другие каналы продаж. В этом случае в качестве обязательного

критерия может выступать объем выручки. Объем выручки платформы, полученной от продажи «эксклюзивных» продуктов, не должен превышать 50% от ее общей выручки.

Немаловажным представляется и проблема определения способа тарификации услуг экосистемы для потребителей. Как вариант можно рассмотреть запрет единой подписки на все услуги крупной экосистемы. При этом требуется обязательная отдельная тарификация услуг экосистемы на разных сегментах рынка.

Единая подписка как фактор бюджетирования работы самой системы может способствовать созданию независимых качественных сервисов отбора поставщиков. Наличие вариативности для потребителя – покупать единую подписку или покупать отдельную услугу экосистемы – должно являться конкурентным преимуществом экосистемы. Для самой экосистемы уровень регулирования стоимости подписок также зависит от выбранной стратегии развития с учетом ядра системы и выделенных ресурсов на развитие. Введение регуляторных ограничений в данном месте может навредить конкуренции и создать преимущества некоторым системам, например, с большим финансовым ресурсом.

3.2. Оценка эффективности мер регулирования на финансовый результат банков и экономический рост

Помимо функции регулятора экосистем, государство может быть как поставщиком услуг для экосистем, так и получателем таких услуг. Например, как поставщик услуг государство имеет такие цифровые платформы, как «Госуслуги», ФНС, Росреестр, ФСГС (Росстат) и др. Как получатель услуг государство может пользоваться предлагаемыми экосистемами продуктами путем заключения контрактов на поставку товаров и услуг. Развитие инфраструктурных решений со стороны государства путем создания равноудаленных независимых технологических инфраструктур может потребоваться только в случае роста доминирования экосистем для нишевых поставщиков, а также для новых малых инновационных компаний, у которых ограничиваются возможности по доступу к потенциальным клиентам. Также развитие инфраструктурных решений потребуются при недостаточной эффективности рыночных механизмов, тормозящих развитие здоровой конкуренции в существующей информационной среде платформ и экосистем.

Государство может принимать активное участие в создании инфраструктуры для платформ путем участия в капиталах глобальных и локальных компаний при строительстве основных Big Data – центров с современным технологическим оборудованием для коммуникаций и обеспечением бесперебойного функционирования систем без географических ограничений.

Также следует подчеркнуть, что необходимы введение точных критериев экосистемы, где будет учитываться, что экосистемой может являться компания, развивающая не менее 3–4 направлений в разных сферах деятельности, а также введение точных критериев «крупных» экосистем, которые могут, используя свою величину, нести риски для экономики при развитии экосистемы по «закрытому» принципу. Представляется, что достаточным порогом является уровень 35% в нескольких сегментах.

Создание правил ведения/развития экосистем для компаний, контролирующей пакет акций которых принадлежит государству. При этом значимым становится вызов увеличения контроля государства над технологиями оптимизации оказания услуг внутри экосистем на предмет соответствия интересам пользователей.

Определение регулятора (перечня регуляторов) экосистем. Вопросы регулирования отчетности платформ и экосистем от создания консолидированной отчетности до выпуска эмиссионных ценных бумаг, а также убыточности и банкротства платформ и экосистем; вопросы недобросовестных практик ведения бизнеса, предоставления товаров и услуг; вопросы антимонопольного регулирования, ПОД/ФТ и использования национальной цифровой валюты; вопросы контроля за возникновением и использованием «внутренней валюты» платформ в экосистеме; правовые вопросы сосуществования (взаимодействия) национальных и иностранных платформ и экосистем.

Регулятору необходимо оценить влияние экосистем на экологические факторы страны с целью внедрения норм энергосбережения, уменьшения вредных выбросов, сбора и переработки отходов и пр.

Одним из вызовов регулятору также является недостаток кадрового резерва для реализации необходимых действий по развитию экосистем и платформ.

Отметим основные цели регулирования и возможные меры, принимаемые на этапе становления экосистем.

В первую очередь следует обратить внимание на необходимость применения в российской практике комплекса мер, направленных на повышение конкурентоспособности национальных платформ и обеспечение уровня их конкурентоспособности по отношению к зарубежным аналогам.

В частности, наиболее эффективными мерами в России могут быть:

- меры по выстраиванию отношений с иностранными регуляторами по выработке подходов к допуску иностранных экосистем на национальные рынки, с обязательным условием допуска в них национальных поставщиков товаров и услуг;

- меры антимонопольного регулирования с учетом особенностей экономики экосистем и критериев, применяемых к открытым моделям;
- меры, направленные на обеспечение непрерывности деятельности крупных экосистем, информационной безопасности персональных данных пользователей экосистем и противодействие мошенничеству;
- меры, обеспечивающие возможность перехода пользователей между платформами и экосистемами, без потери личных данных;
- меры, направленные на цифровую грамотность населения;
- меры, направленные на развитие цифровой инфраструктуры внутри и между платформами и экосистемами, в том числе прием национальных платежных инструментов, использование системы быстрых платежей, формирование цифрового профиля пользователя платформ и экосистем.

Также к регуляторным инструментам и мерам можно отнести контроль за бонусными программами внутри экосистем. В данном случае речь идет о разработке цифровой платформой (экосистемой) и о внедрении в практику поставщиков определенной системы бонусов, уникальной для данной цифровой платформы (экосистемы). При наличии требования к поставщикам об использовании такой системы бонусов у поставщика, присоединяющегося к цифровой платформе (экосистеме), появится необходимость «конвертации» своей системы бонусов в систему бонусов цифровой платформы (экосистемы), что может быть расценено как аналог цифровой валюты.

Для предотвращения монополизации рынка и равномерного распределения услуг между цифровыми платформами (экосистемами) одним из способов контроля может быть требование о процентном ограничении количества входящих в экосистемы (цифровые платформы) поставщиков аналогичных услуг.

Также важно найти баланс между IT-разработками, позволяющими собирать данные о пользователях цифровых платформ и экосистем, и хранением таких данных (временем хранения), если пользователь не потребовал удаления своего цифрового профиля.

Необходимо вовремя выявлять практики экосистем, которые благодаря монополизации услуги в одной из сфер жизни человека создают иллюзию «бесплатности» или «дешевизны» смежных сервисов, принадлежащих компании. Развитие антимонопольных инструментов позволит создать более эффективное конкурентное поле, которое будет позитивно влиять на экономику Российской Федерации. Кроме этого, важным является создать принципы пропорционального регулирования между крупными, средними и мелкими экосистемами, а также сформировать правила ведения/развития экосистем для компаний, контролирующей пакет акций которых принадлежит государству.

Могут быть использованы меры поддержки технологического развития отечественных систем и стимулирования повышения доступности услуг малозащищенным слоям населения. Наиболее важно соблюсти баланс между ограничениями с целью повышения информационной безопасности и антимонопольных инструментов и стремлением поддержать технологическое развитие систем, а также увеличением доли рынка до величины, наиболее удобной для потребителей экосистемы.

С учетом динамично развивающихся технологий особую значимость приобретают меры содействия развитию национальных платформ и экосистем в Российской Федерации.

Выделим основные критерии размера платформы (экосистемы), которые могут быть применены в России для установления дополнительных требований к их деятельности.

В качестве критериев по оценке величины платформы (экосистемы) перспективно рассмотреть количество активных пользователей, которые с определенной в законе периодичностью используют один или несколько продуктов (услуг) платформы (экосистемы), а также территориальное присутствие платформы (экосистемы) (присутствие только в России или также в других странах), что позволит примерно рассчитать охват платформы (экосистемы) как долю пользователей от числа активных резидентов России и других стран.

Критерием отнесения экосистемы к крупной может стать доля рынка, занимаемая такой компанией. Наиболее подходящим, по нашему мнению, является уровень 35% в нескольких его сегментах.

Следует обратить внимание на возможность применения критериев, установленных ст. 5 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Из международного опыта, по нашему мнению, заслуживает внимания изучение опыта Китая, в частности, следует обратить внимание на установленные критерии в отношении компаний с долей небанковских платежных услуг на рынке.

Также нужно отметить необходимость выработки подхода к определению размера платформы на основе специфики рынков, на которых действует данная экосистема. В одном случае это может быть охват потребителей (бытовые услуги), в другом случае – доля выручки на рынке или капитала (банковские услуги) либо количество посетителей в сутки (медиа). В частных случаях также необходимы критерии функциональных особенностей платформ.

Общие требования ко всем платформам (экосистемам) должны обеспечивать защиту прав потребителей с тем, чтобы последние пользовались только качественными услугами и сервисами на платформе (экосистеме). При этом необходимо устанавливать более высокие требования, в том числе требования по информационной безопасности, для платформ

(экосистем), которые принимают платежи от клиентов на собственные счета (спец. счета), и, напротив, более мягкие – к тем, кто этого не делает.

Заключение

На наш взгляд, модели классического банка будут востребованы в ближайшие 10–15 лет, так как у них есть свои преимущества перед глобальными экосистемами, к которым стремятся некоторые ведущие российские банки. Выходя в новые отрасли и на новые рынки, крупные компании неизбежно сталкиваются с серьезными рисками, по которым у них еще нет накопленного опыта. Также экосистемы встречаются с проблемой снижения управленческого потенциала.

Тем не менее какой бы стратегии ни придерживался банк, нельзя упускать из внимания складывающиеся тенденции и тренды. Мы считаем, что в ближайшем будущем жизнеспособными останутся те банки, которые вовремя смогут уловить процесс цифровизации, переработать и усовершенствовать традиционные процедуры и способы обслуживания клиентов.

Что касается ведущих банков, образующих свои цифровые экосистемы, мы предполагаем, что в дальнейшем данные банки уже будут конкурировать не своими финансовыми продуктами и услугами, качеством их предоставления и более выгодными условиями, а экосистемами, для создания которых будут привлекаться лучшие инновационные сервисы для развития технологий и создания новых, предоставляющих клиентам все необходимые услуги.

Говоря о сложившейся в настоящее время ситуации, необходимо отметить ожидаемое снижение прибыли банков. Однако цифровые экосистемы находятся в более выгодном положении, так как имеют эффективную систему онлайн-обслуживания и возможность дистанционного оказания дополнительных нефинансовых услуг, актуальных в данный момент. Их потери от реорганизации деятельности в электронный формат будут незначительны по сравнению с классическими банками.

Список использованных источников

1. *Боннер А.Т.* Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность? (или спор процессуалиста с административистом) // Закон. 2016. № 7. С. 24–51.
2. В царстве экосистем выживут 3–4 банка // «Завтра облачно». Журнал об IT-бизнесе, технологиях и цифровой трансформации. URL: <https://mcs.mail.ru/blog/v-carstve-ehkosistem-vyzhivut-3-4-banka>
3. *Гузнов А.Г., Рождественская Т.Э.* Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. Изд. 2-е, испр. М.: Юрайт, 2019.
4. *Корищенко К.Н., Морозов С.В.* Формирование системы пруденциального надзора за профессиональными участниками рынка ценных бумаг. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2017. URL: <https://socionet.ru/~cyrcitec/rnp-pdf/wpaper/051710.pdf>
5. *Куракин А.В., Карпухин Д.В.* Пруденциальный компонент банковского надзора // ВВ: Административное право и практика администрирования. М., 2017. № 2. С. 10–19.
6. Мы не экосистема, мы не IT-компания – мы банк // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3994429>
7. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления): монография / А.М. Абакирова, М.А. Абдыраев, Г.А. Василевич [и др.]; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018.
8. *Петров А.А.* Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски // Торговая политика. 2018. № 3 (15). С. 9–30. DOI: 10.17323/2499-9415-2018-3-15-9-3
9. *Пилюгина А.В., Еркович Е.А.* О подходах к проектированию экосистемы цифровых финансовых услуг // Управление развитием крупномасштабных систем. М.: Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2018. С. 422–424.
10. Портал Центрального банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/>
11. *Рахманина Н.В.* Правовое регулирование финансовых услуг по законодательству Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 14 (1). С. 37–47. DOI: 10.24891/ni.141.37
12. *Санникова Л.В.* Проблемы становления поведенческого надзора в России // Деньги и кредит. 2017. № 10. С. 51–56.

13. *Старилов Ю.Н.* Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 7–23.
14. *Тихомиров Ю.А.* Поведенческий механизм действия права // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 92–105.
15. *Тихомиров Ю.А.* Право: прогнозы и риски. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2015. DOI: 10.12737/11255
16. *Щербинин Т.А.* Система регулятивных инструментов обеспечения финансовой устойчивости национальной экономики в условиях глобализации // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 2015. № 3. С. 103–108. DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-103-108.
17. *Aguiar M., Gopinath G.* Emerging market business cycles: The cycle is the trend // Journal of Political Economy. 2007. No. 115. P. 69–102.
18. *Arezki, R., Blanchard O.* The 2014 Oil Price Slump: Seven Key Questions // VoxEU.org, 13 January 2015 . URL: <http://voxeu.org/article/2014-oil-priceslump-seven-key-questions>.
19. *Aslam, A., Beidas-Strom S., Bems R., Celasun O., Kilic Celik S., Koczan Z.* Trading on Their Terms? Commodity Exporters in the Aftermath of the Commodity Boom. IMF Working Paper 16/27. International Monetary Fund, Washington, DC, 2016.
20. *Baffes J., Kose M.A., Ohnsorge F., Stocker M.* The Great Plunge in Oil Prices: Causes, Consequences, and Policy Responses. Policy Research Note 1, World Bank, Washington, DC, 2015.
21. *Cui Wei, Leo Kaas.* Default cycles // Journal of Monetary Economics. 2020. No. 1.
22. *Drechsel, T. and S. Tenreyro.* Commodity boom and busts in emerging economies, Journal of International Economics 2018.
23. *Fernández A., Schmitt-Grohé S., Uribe M.* World shocks, world prices, and business cycles: An empirical investigation // Journal of International Economics. 2017. No. 108 (S1). P. 2–114.
24. *Gilchrist S., Zakrajšek E.* Credit spreads and business cycle fluctuations // American Economic Review. 2012. No. 102 (4),
25. *Hodges C.* Law and Corporate Behaviour: Integrating Theories of Regulation, Enforcement, Compliance and Ethics. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2015. DOI: 10.5040/9781474201124
26. *Kaas L., Mellert J., Scholl A.* Sovereign and private default risks over the business cycle' // Journal of International Economics. 2020.

27. *Khan A.* A Behavioral Approach to Financial Supervision, Regulation, and Central Banking, 2018. URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2018/wp18178>
28. *Kovas A.* Understanding the Financial Conduct Authority. Leicester: Troubador Publishing Ltd, 2015.
29. *Lui A.* Financial Stability and Prudential Regulation: A Comparative Approach to the UK, US, Canada, Australia and Germany. Oxon: Routledge, 2017, DOI: 10.4324/9781315707563
30. *Mendoza E.* The terms of trade, the real exchange rate, and economic fluctuations // International Economic Review. 1995. No. 36 (1).
31. *Neumeyer P.A., Perri F.* Business cycles in emerging economies: the role of interest rates // Journal of Monetary Economics. 2005. No. 52 (2). P. 345–380.
32. *Sommer M., Auclair G., Fouejieu A., Lukonga I., Quayyum S., Sadeghi A., Shbaikat G., Tiffin A., Trevino J., Versailles B.* Learning to Live with Cheaper Oil: Policy Adjustment in Energy-exporting Countries of the Middle East and Central Asia. Middle East and Central Asia Departmental Paper 16/03. International Monetary Fund. Washington, DC, 2016.
33. World Bank Commodity Markets Outlook: Implications of COVID-19 for Commodities. April. Washington, DC: World Bank, 2020a.